

АМЕРИКАНОЦЕНТРИЗМ И МНОГОПОЛЯРНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТЫ)

© КОРОЛЕВ И.С., 2020

КОРОЛЕВ Иван Сергеевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра прогнозных исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (korolev@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9007-692X.

Королев И.С. Американский центризм и многополярность в глобальной экономике
(торгово-политический и финансовый аспекты).

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс.12-22. DOI: 10.20542/afj-2020-1-12-22

DOI: 10.20542/afj-2020-1-12-22

УДК: 339.9+338.27:(73)+(510)+(4)

Статья поступила в редакцию 12.03.2020.

Проанализированы основные предпосылки и последствия сохранения единоличного лидерства США в мировой экономике. Показано, что движение в сторону многополярности не ослабляет американский центризм. Наоборот, дробление центров экономической силы за пределами США расширяет возможности внешнеэкономической политики американской администрации. Рассмотрены противоречия и перспективы экономических отношений в треугольнике США–ЕС–Китай, роль новых быстро развивающихся экономик.

Ключевые слова: глобальная экономика, взаимозависимость, международная конкурентоспособность, санкции, роль доллара, G2, Брекзит, многостороннее регулирование торговли, прогнозные исследования.

Обострение в последние годы торговых противоречий между странами вызвано комплексом причин. Глобализация усилила конкуренцию на мировых рынках. Появились новые мощные игроки – Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, которые требуют больше учитывать их интересы при принятии правил, регулирующих международную торговлю. Наконец, сама система многостороннего регулирования международной торговли уже много лет дает сбои.

Но непосредственно инициатором торгово-политической турбулентности стали США. Администрация Трампа за неполный президентский срок успела выйти из уже подписанного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), приостановить переговоры с ЕС о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), пересмотреть условия соглашения о зоне свободной торговли с Мексикой и Канадой, начать торговую войну с Китаем, развернуть в беспрецедентных масштабах практику применения экстерриториальных санкций и протекционистских мер.

АМЕРИКАНОЦЕНТРИЗМ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Сохранение американского лидерства в процессах глобализации основывается на ряде взаимосвязанных предпосылок – экономических (включая лидерство в науке), военно-

политических, а также связанных с качеством человеческого капитала (культура, медицина, образование).

США заняли первое место в мире по производству товаров и услуг еще конце XIX в. и продолжают его сохранять до сих пор (24% в мировом ВВП в 2018 г.). Постепенное сокращение этого показателя в течение последних десятилетий не означает снижения американского влияния. Доля в мировом ВВП – важный, пока незаменимый, но во многом условный и даже виртуальный показатель. В наиболее развитых державах до 70–75% ВВП обеспечивают услуги, экспоненциально растут потоки цифровой информации. Таким образом, сопоставление по размеру ВВП, по-видимому, может считаться корректным только между странами с близким уровнем развития. В остальных случаях оно весьма условно.

В начале 70-х годов XX в. при большей доле в мировом ВВП международные экономические позиции США вряд ли были сильнее, чем сейчас. Доллар тогда находился под сильным давлением. Ощущались негативные последствия войны во Вьетнаме. Пространство для деятельности американских корпораций было ограничено, оно не распространялось на территорию государств – членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а также Китая. На долю СССР тогда приходилось 14% мирового ВВП, а вместе с другими странами СЭВ – почти 20% [1, с. 510]. США не имели возможности проводить экстерриториальную санкционную политику в таких масштабах, как в настоящее время. Например, не сумели затормозить сделку “газ-трубы” и строительство газопровода в Западную Европу, как недавно они сделали в отношении “Северного потока-2”.

Важнейший фактор американского лидерства в мировой экономике – зарубежные инвестиционные активы. В послевоенные десятилетия масштабный вывоз предпринимательского капитала создал ситуацию, когда в большинстве международных корпораций, базирующихся за пределами США, в той или иной степени присутствует американский бизнес.

Америка располагает доминирующей переговорной позицией в торговых спорах с любой страной мира (или группой стран). Во многом это следствие того, что экономическая зависимость США от внешнего мира существенно ниже, чем у других государств. Одновременно высока потребность в поставках американской передовой техники, военной продукции, в доступе к крупнейшему в мире финансовому рынку (фондовому и кредитному).

Американский потребительский рынок – самый емкий в мире. Расходы американских домохозяйств – почти треть от мирового уровня в 2017 г. (последний год, по которому есть данные) – превышают совокупный (!) объем личного потребления в Китае, Японии, Германии, Великобритании и Индии [2, р. 5]. Уровень потребления в Соединенных Штатах – важный фактор роста не только их собственного ВВП, но и мирового. Отсюда высокая заинтересованность компаний всех стран из самых различных отраслей в американском рынке как для прямого экспорта товаров и услуг, так и для продаж через создаваемые там филиалы. Высокий объем личного потребления делает США, наряду с другими причинами, привлекательными для приезда из-за рубежа специалистов самой высокой квалификации.

При президенте Д. Трампе использование накопленных преимуществ в отношениях с внешним миром стало более агрессивным, но в тоже время достаточно гибким и пока эффективным. Во внешнеэкономической политике акцент сместился в сторону двусторонних отношений, где США менее ограничены правилами многостороннего регулирования. Показатель особого положения США в глобальной экономике – возможность проводить одностороннюю санкционную политику. Речь идет как о политически мотивированных, так и сугубо экономических санкциях: торговых ограничениях и экстерриториальных регуляторных мерах.

В правовом отношении применение санкций основано на используемом в США принципе верховенства национального законодательства над международным. Экономически действие экстерриториального регулирования возможно, когда:

– в зарубежной компании присутствует американский капитал или она использует американские кредиты или патенты;

- компания имеет активы или осуществляет деятельность в США;
- акции компании обращаются на американских фондовых биржах.

Политически мотивированные санкции опираются на специально принимаемые законодательные акты, иногда по абсолютно надуманным поводам. Так, в случае “Северного потока-2” в качестве обоснования ограничительных мер Вашингтоном объявлена “забота” об энергетической безопасности Европы.

Большинство экстерриториальных регуляторных мер используется в отношении компаний из развитых стран, в том числе традиционных политических союзников США, в частности европейских. Американские регуляторы в одностороннем порядке по разным причинам систематически штрафуют на многомиллиардные суммы зарубежные автомобильные, металлургические, фармацевтические компании, авиаперевозчиков и банки, которые, по мнению американских властей, нарушают законодательство США.

Практически всегда компании и банки платят. В Соединенном Королевстве в свое время попытались защититься от вмешательства американских регуляторов с помощью страхования таких рисков с тем, чтобы впоследствии была возможность подать против США встречный иск. Однако эта идея, как не имеющая реальной юридической перспективы, не была реализована.

Американские экстерриториальные санкции отнюдь не преследуют, как часто утверждают, получение каких-либо экономических выгод. Дело обстоит гораздо хуже. Санкционная политика США отражает существовавшее десятилетиями политическое мессианство, искреннее убеждение американской нации в исключительности Америки. Такая убежденность вполне сочетается с вроде бы изоляционистским лозунгом президента Д. Трампа “*America First*”. Однако насколько сочетается политическое мессианство с законами экономики – большой вопрос.

РОЛЬ ДОЛЛАРА

В значительной мере сохранение американоцентризма в глобальной экономике связано с ролью доллара как глобальной валюты. В новейшей истории его сегодняшняя позиция уникальна. Такой доминирующей роли одной валюты не было ни до Первой мировой войны, в эпоху золотого стандарта, ни в межвоенный период, когда мир был разделен на валютные зоны.

За последние 25 лет количественные оценки присутствия доллара в международной валютной системе менялись незначительно как доля американской валюты в официальных резервах центральных банков или практически не менялись как удельный вес доллара в мировом валютном обороте – примерно 85%. Последний показатель наиболее важен для понимания возможностей влияния США на мировую экономику, в том числе введения экстерриториальных санкций и осуществления регуляторных мер против любой страны мира.

Глобальный спрос на доллары (пополнение международной ликвидности, транзакционный спрос стран, чьи внешние расчеты частично осуществляются в долларах, спрос на наличные доллары и др.) не сокращается. Его стимулируют, в частности, цифровая трансформация экономики и быстрый рост финансовых производных (деривативов). Ежедневный оборот только процентных деривативов, по данным Банка международных расчетов, приближается к 7 трлн долл. Три четверти операций с деривативами осуществляют американские банки. В долларах фиксируются мировые справочные цены на подавляющее большинство сырьевых товаров, таких как нефть, золото, цветные и черные металлы, удобрения, лес, сельхозпродукция и др. Политика ФРС оказывает сильное влияние на ситуацию на мировых финансовых рынках, на национальную денежно-кредитную политику других стран.

Роль доллара как главной международной валюты позволяет США выпускать в обращение (в основном в безналичной форме) гораздо большее количество долларов, чем требует национальная экономика, то есть получать своего рода сеньораж, а за счет этого длительное время сохранять значительный дефицит своего внешнеторгового баланса и тем самым поддерживать высокий уровень внутреннего потребления. Такое положение вещей

будет сохраняться, пока существует глобальный спрос на американскую валюту. Как долго продлится “господство” доллара – вопрос открытый.

После Второй мировой войны американская валюта под влиянием потребностей мирового рынка заменила фунт стерлингов в качестве главной международной валюты. В 1950 г. доля британского фунта в мировых официальных валютных резервах составляла немногим более 61%, то есть примерно как сейчас у доллара. Но уже через 25 лет картина кардинально изменилась. Доля фунта упала до 3.9%, а доллара повысилась до 79.4% [3, с. 61]. Столь разительные перемены за исторически короткий период¹ частично объяснялись распадом Британской империи и кризисом стерлинговой зоны, неспособностью Великобритании платить проценты по стерлинговым авуарам других стран [4]. Но, главное, возникла альтернатива фунту, появился высокий спрос на американскую валюту, “долларовый голод”. Сейчас ситуация совершенно иная. Несмотря на сокращение доли США в мировом ВВП и международной торговле замены доллару как главной международной валюты не видно. Этим США и пользуются. Глобальной экономике не нужна многополярная валютная система. Множественность используемых валют повышает транзакционные издержки и риски экономической турбулентности. Гипотетически кризис доллара может начаться с обвального падения его курса, как это было с британским фунтом в 1949 г., когда он был девальвирован на 40%. Однако до сих пор доллар на валютных торгах достаточно стабилен. Более того, при обострении ситуации в мировой экономике его курс к другим валютам, как правило, повышается. Поэтому страны остаются в долларовых резервах и расчетах, хотя США все чаще открыто злоупотребляют доминирующим положением своей национальной валюты и используют его в качестве инструмента санкционной политики в отношении практически всех без исключения стран мира.

Попытки создать наднациональную валюту предпринимались давно. Как известно, такая идея содержалась в плане Дж. Кейнса при подготовке Бреттон-Вудской конференции. В таком качестве определенные надежды возлагались на созданные в 1960-е годы в рамках МВФ так называемые специальные права заимствования (СДР). Но они не получили доверия ни на межгосударственном уровне, ни со стороны бизнеса, оставшись по сути чисто расчетной единицей в статистике и некоторых операциях МВФ. Несколько десятилетий в рамках ООН работает международная комиссия, исследующая перспективы создания взамен доллару нового резервного платежного средства. Но пока каких-либо практически значимых результатов ею не предъявлено.

Другие национальные валюты пока не способны конкурировать на равных с долларом. Евро остается прежде всего региональной валютой, хотя и достаточно прочной, поскольку ЕС – единственное в мире реально работающее интеграционное объединение. Доля евро и в резервах, и в международных расчетах примерно соответствует доле ЕС в мировом экономическом обмене.

Китайский юань занимает, по данным Банка международных расчетов, в глобальном валютном обороте скромное восьмое место. В 2019 г. на него приходилось порядка 4% из 200% всех сделок. При этом 95% всех валютно-обменных операций с юанем осуществляется с долларом США или через американский доллар. Использование юаня в международном обороте сдерживается достаточно жестким контролем китайских властей над финансовыми операциями. Как известно, КНР не ратифицировала ст. 8 Устава МВФ о либерализации движения капиталов (в частности, из-за опасения спекулятивных атак на юань). Тем не менее, китайская валюта с недавних пор вошла в корзину валют, используемых для расчета курса СДР. Данные Шанхайской фондовой биржи включаются в ряд ведущих международных фондовых индексов. Все это дано юаню как бы авансом с учетом лидирующего места Китая в международной торговле. Но пока нет оснований говорить о возможности существенного увеличения роли китайской валюты в обозримом будущем.

¹ Расширение международных функций доллара было заметно уже после Первой мировой войны. Увеличивался список биржевых товаров, мировые цены на которые публиковались в долларах. Американская валюта в ряде случаев стала служить своего рода точкой отсчета при исчислении курсовых изменений главных валют того времени. Например, в важном для международных валютно-финансовых отношений межвоенного периода так называемом Трехстороннем соглашении (*Tripartite Agreement*), подписанном в 1936 г. первоначально США, Британией и Францией, курсовые соотношения фунта стерлингов и французского франка, а затем японской иены и бельгийского франка определялись через курс к доллару.

Что касается криптовалют, которые уже признаются регуляторами ряда ведущих стран мира в качестве биржевого продукта, как инструмент международных платежей они вряд ли имеют реальные перспективы. В настоящее время в мировом валютном обороте национальных валют доля криптовалют микроскопична. Учитывая волатильность их курсов, непрозрачность условий выпуска в обращение и применения (высока доля криминальных сделок), они не могут служить надежным средством сбережения. Спекулятивные операции с ними возможны, но крайне рискованны. При каком-либо заметном увеличении объема использования токенов в платежах национальные регуляторы будут вводить в их отношении жесткие ограничительные меры. Так всегда было, когда нарушалась монополия государства в денежной сфере². Лежащие в основе цифровых валют блокчейн-технологии уже используются в суверенных платежных системах и будут все шире применяться в будущем, в том числе для усиления регуляторного контроля над платежами и денежными активами компаний и физических лиц.

БИПОЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА США–КИТАЙ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Идея американско-китайской экономической кооперации (G2) была впервые выдвинута американскими экспертами и поддержана З. Бжезинским в середине нулевых годов XXI в., когда экономический рост Китая еще не рассматривался ими как угроза глобальному доминированию США. Внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа, смысл которой – Америке не нужны равноправные партнеры в экономике – изменила ситуацию. Ныне идею создать институт типа G7, который представлял бы две крупнейшие экономики мира, обсуждают в основном китайские эксперты. “Для мирового роста необходимы сильная Америка и сильный Китай. Ослабление любого из них контрпродуктивно”, – заявил в феврале 2020 г. президент Центра Китая и глобализации, одного из ведущих мозговых центров КНР, в интервью британскому агентству *The Worldfolio* [5].

G2 означал бы признание меняющихся международных экономических позиций обеих стран. Для США это было бы понижением их нынешнего статуса. Для Китая – подтверждением достигнутого стратегического этапа в долговременном продвижении к лидерству. Однако в реальности все гораздо сложнее.

Проект G2 пока не выглядит реальным по многим экономическим и политическим причинам. Одна из них – сохраняющаяся разница в эффективности американской и китайской экономик. Производительность труда (выпуск на одного занятого) в обрабатывающей промышленности в США в семь раз (!) выше, чем в Китае. Согласно докладу Всемирного экономического форума *The Global Competitiveness Report* за 2019 г., хотя в глобальном рейтинге международной конкурентоспособности США пропустили на первое место Сингапур, они сохраняют лидирующие позиции по многим ее показателям (институты, развитие инфраструктуры, уровень образования, функционирование финансовой системы и др.) [6, pp. 7, 8].

Против проекта G2 выступают не только союзники США (Европа, Канада, Австралия, Япония), но и страны Индо-Тихоокеанского региона. Вряд ли этот проект в интересах России. Китайская модель не является слишком привлекательной в глазах мирового общественного мнения³, а события в Гонконге также не улучшают имидж КНР.

² В последние годы началось создание платежных схем, основанных на национальных криптовалютах с целью обойти американские санкции. Так, схемы с “нефтяными” криптовалютами внедряют Иран и Венесуэла. Но на участие в таких схемах должны дать согласие страны-покупатели. Риск – самим попасть на американские санкции.

³ С точки зрения привлекательности США намного опережают Китай. Опросы, проводимые в 25 странах мира, показывают, что большинство опрошенных (63%) предпочитает, чтобы глобальным лидером оставались США, а не КНР. В наибольшей степени такую точку зрения разделяют азиатские государства, в том числе соседи Китая – Япония, Южная Корея, Вьетнам, Филиппины. Среди включенных в опрос стран лишь в трех (Аргентина, Тунис и Россия) отдается предпочтение Китаю. В самих США за американское лидерство 88% опрошенных (см. *Chart 9*, график *Most Prefer U.S. As World Leader* в [7]). В Китае и, в частности, в Гонконге, опросы не проводились. При этом среди сторонников сохранения глобального лидерства США доверие к нынешней политике американской администрации ниже, чем было при президенте Б. Обаме.

На словах Китай – за экономическую глобализацию и многосторонность в торговле, но на деле проводит агрессивную внешнеэкономическую политику, широко используя методы двусторонней торговли, в частности, свопы в юанях. Китай действительно, как его в этом обвиняют, манкирует правилами ВТО в области интеллектуальной собственности, фактически сохраняет через госкомпании монополию внешней торговли в импорте основных сырьевых и продовольственных товаров, осуществляет жесткий контроль над стратегическими инвестициями своих компаний за рубежом и иностранными инвестициями в китайскую экономику, широко применяет практику принудительного трансфера технологий. Трудно найти более жесткого торгового переговорщика, чем Китай. Лишь в отношениях с Вашингтоном он проявляет крайнюю осторожность. Китайские компании скрупулезно выполняют американские экстерриториальные санкции, в том числе в отношении РФ.

В основе всплеска торговых противоречий между США и Китаем не столько экономические, сколько геополитические причины. Обе страны получили от глобализации значительные выгоды. Основой бенефициар – Китай. Экспорт из Китая стал и пока еще остается (несмотря на рост внутреннего потребления) главным фактором экономического роста. Становление современной китайской промышленности осуществлено благодаря иностранным инвестициям. По данным на 2015 г., компании с иностранным капиталом осуществляли 40% китайского экспорта, производили 87% электроники и 59% машинотехнической продукции [8]. Китайцы получили возможность активно участвовать в слияниях и поглощениях по всему миру, в том числе скупая доли в высокотехнологичных компаниях.

Для США Китай – третий экспортный рынок вслед за Канадой и Мексикой. Поставки на китайский рынок обеспечивают американцам более 1.1 млн рабочих мест в сфере услуг, сельском хозяйстве и машиностроении [9]. Дешевый импорт готовой продукции из КНР повысил покупательную способность американских домохозяйств. Китай – один из основных иностранных держателей неуклонно растущего внешнего долга США. Этот долг обусловлен прежде всего структурными особенностями американской экономики, сформировавшимися после Второй мировой войны, когда дефицит платежного баланса США служил основным источником поступления долларов в каналы международных расчетов. Дисбаланс внешней торговли практически со всеми странами делает возможным американской экономике функционировать при низкой норме накопления и высоком объеме потребления домашних хозяйств.

Экономическая взаимозависимость между США и КНР, казалось бы, должна способствовать урегулированию торговых противоречий. Но политику американских властей определяет прежде всего растущая обеспокоенность, даже паника, связанная с возможностью того, что Китай уже в обозримом будущем может лишиться Америки ее доминирующей роли в мире. Отсюда стратегическая цель – затормозить на длительную перспективу экономическое и научно-техническое развитие КНР. Поэтому, скорее всего, торговые конфликты между США и Китаем, несмотря на достигнутые в начале 2020 г. промежуточные компромиссы, будут сохраняться. Одновременно нельзя полностью исключать формирование в перспективе той или иной формы G2. Однако в таком случае ситуация в мире не будет похожа на биполярность времен холодной войны. Если говорить о тогдашнем экономическом контенте, то Советский Союз как игрок на мировых рынках никому не представлял экономической угрозы. Всемирное хозяйство и в теории, и на практике было разделено на две системы: капиталистическую и социалистическую. Инвестиционное сотрудничество между ними было ограниченным⁴. Совместные предприятия и компенсационные сделки появились лишь в 1970-е годы. Прямой выход советских предприятий на внешний рынок, осуществленный в конце перестройки, оказался недостаточно продуманным и принес больше потерь, чем выгод. Свободное передвижение людей отсутствовало даже внутри социалистического содружества. При этом международная конкурентоспособность СССР (если использовать такой показатель как доля машин и оборудования в экспорте), начиная со второй половины 1960-х годов неуклонно падала.

⁴ В дореволюционной России компании с иностранным капиталом (из Германии, Бельгии, Франции и США) выпускали 1/3 промышленной продукции.

Главное отличие внешнеэкономической политики СССР от современной китайской состояло в значительно меньшей ориентации на получение коммерческих выгод. Созданный в 1949 г. Совет экономической взаимопомощи отвечал политическим целям СССР, был встроены в систему централизованного планирования, имел достаточно отлаженный, во всяком случае по сравнению с ЕАЭС, механизм сотрудничества, но, в конечном счете, оказался невыгодным для стран-членов, прежде всего для СССР. И дело не только в системе ценообразования на товары взаимной торговли в переводных рублях⁵. Нежизнеспособной оказалась система централизованного планирования.

В экономических отношениях с развивающимися странами хозяйственная целесообразность также учитывалась недостаточно или вообще не принималась в расчет. Примером полного непонимания руководством страны значения “государственной коммерции” стало объединение в период перестройки Министерства внешней торговли и Государственного комитета по внешнеэкономическим связям (ГКЭС), чьи проекты строительства различных объектов за рубежом были в значительной мере политически мотивированными. Неудивительно, что в послевоенный период СССР не получил от внешней торговли тех ресурсов для развития, которые он мог бы приобрести.

Китай извлек уроки из ошибок Советского Союза, в том числе в торговой политике. В отличие от СССР он не тратит значительных ресурсов на содержание своих политических сателлитов (а их всего трое – КНДР, Бирма и условно Пакистан). У Пекина прагматичная внешнеэкономическая стратегия. Она реализуется с помощью самых различных инструментов (от создания кредитной удавки в развивающихся государствах до создания финансовых платформ в Великобритании и внедрения в портовую инфраструктуру стран ЕС), а направлена на получение в конечном итоге реальных коммерческих выгод. Это относится ко всем международным проектам, в которых участвует Китай: инициатива “Пояс и путь”, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, банки ШОС и БРИКС.

Сочетание стратегических и экономических интересов особенно заметно в китайском присутствии в Африке. Этими критериями руководствуются даже китайские госкомпании при строительстве там железных дорог. Китай уже более 10 лет находится на первом месте во внешней торговле стран Африканского континента, хотя по объему накопленных прямых инвестиций – лишь на пятом вслед за Францией, Нидерландами, США и Великобританией [10].

В целом пока к концепции G2, скорее всего, следует относиться как к инструменту китайской внешнеэкономической дипломатии, предназначенному для сглаживания напряженности с США и одновременно усиления переговорных позиций с ЕС, Россией и другими странами.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ ИЛИ ХАОС?

Ключевую роль в глобальной экономике пока играют взаимоотношения в треугольнике США–ЕС–Китай. На его участников приходится примерно 60% мирового ВВП и экспорта товаров и услуг. Внутри тройки существуют острые торговые противоречия, в том числе между политическими союзниками.

Уже несколько лет в центре внимания торговая война США и КНР. Однако взаимодействие экономик США и Европы по большинству показателей заметно глубже, чем между США и Китаем или между ЕС и Китаем. Совокупный ВВП ЕС (даже без Великобритании) пока еще больше, чем у КНР (по текущему валютному курсу). Экспорт США в страны ЕС в 2.5 раза больше, чем в Китай. ЕС – основной экспортный рынок для большинства американских штатов.

⁵ Цены на поставляемые из СССР в страны СЭВ нефть, лес и металлы (“валютные” товары) соответствовали мировым, а на ввозимую в Советский Союз готовую продукцию партнеров по СЭВ фактически оказывались сильно завышенными, хотя из-за недостаточного качества ее значительную часть было практически невозможно продать на западных рынках. Тем не менее, как ни странно, после 1991 г. мы оказались должниками и еще долго расплачивались с бывшими соцстранами.

Главный фактор взаимозависимости в глобальном мире – инвестиции. По оценке Бюро экономического анализа США, в 2017 г. продажи филиалов американских корпораций в Европе (ЕС-28 плюс Швейцария и Норвегия) составили 3 трлн долл., а филиалов европейских корпораций в США – 2.5 трлн долл. [2, р. 19]. На США и ЕС приходится половина глобального потребления домохозяйств. Соответствующий показатель Китая и Индии вместе взятых – 14% [2, р. 10]. В случае достижения Трансатлантического соглашения в области торговли и инвестиций создастся ситуация, когда именно США вместе с ЕС будут определять правила игры в международной торговле, в том числе в части реформирования ВТО.

У ЕС такие же претензии к Китаю в области его торговой политики, как и у США. Однако не факт, что Брюссель во всем присоединится к американскому давлению на Пекин, учитывая привлекательность китайского внутреннего рынка и значительный потенциал его роста. У коллективного Запада нет консолидированного отношения к КНР как торговому партнеру. Администрация США занимает наиболее жесткую позицию. Ее в основном поддерживают как республиканцы, так и демократы. В то же время Китай создал достаточно влиятельные лоббистские группы как в США, так и в Европе. Ряд ведущих исследовательских центров западных стран по-прежнему выступает за развитие экономических связей с Китаем. В США – это Брукингский институт, в Великобритании – Королевский институт международных отношений (*Chatham House*). На постоянной основе функционируют десятки двусторонних и многосторонних форумов, продвигающие устраивающую китайцев точку зрения.

Китай – в тройке лидеров в развитии цифровой экономики, он уже находится, по оценкам, на одном уровне с ЕС и достаточно быстро приближается к США. В ряде областей, например, 5G, Китай находится на ведущих позициях. Основная гонка разворачивается в разработке и применении искусственного интеллекта (ИИ). Успехи в этой области будут во многом определять конкурентоспособность стран на глобальных рынках во всех секторах: финансы, обрабатывающая промышленность, нефте- и газодобыча. Пока Китай отстает от ЕС и США по качеству прикладных разработок в области ИИ. Только 4% связанных с ИИ патентов, зарегистрированных в КНР, вторично регистрируются в других юрисдикциях, по сравнению с 32% у США. Качество публикаций по тематике ИИ (определяемого индексом цитирования) в США намного опережает и ЕС, и Китай, хотя по числу публикаций китайцы впереди всех [11].

Победитель в развернувшейся гонке еще не определен. Скорее всего, основная борьба развернется между США и КНР. У США есть преимущества по количеству цифровых гигантов (*Apple, Intel, Google, Amazon, Microsoft*), венчуров и стартапов, в производстве сложных чипов и суперкомпьютеров, по позициям в фундаментальных исследованиях (значительная часть финансирования идет по бюджету Минобороны), в эффективности связей науки с бизнесом, наконец, по возможности привлекать лучших специалистов из-за рубежа. Китай с целью добиться существенного прогресса в теоретических разработках создал сеть государственных исследовательских центров в области ИИ. ЕС, по-видимому, будет отставать, хотя в странах-членах самое большое число занятых в секторе. В таких условиях и ЕС, и Великобритания идут на научно-техническое сотрудничество с Китаем, от которого отказываются американцы. Пример – отношения с компанией *Huawei*.

После Брекзита Великобритания становится независимым экономическим центром со своими интересами, во многих случаях отличными от ЕС-27 или США. В то же время у нее возникает целый ряд проблем. Она должна будет согласовать свой новый таможенный тариф с ВТО, что потребует согласия всех государств-членов. Будет непросто сохранить благоприятные условия доступа британского бизнеса на рынки ЕС, в том числе на рынок финансовых услуг. Остро стоят вопросы, связанные с пересмотром квот на вылов рыбы, передвижением рабочей силы между ЕС и Великобританией и др. Скорее всего, Великобритания в переговорах о новом экономическом соглашении с ЕС будет занимать более жесткую позицию, чем в ходе Брекзита. Очевидно, ее будут активно поддерживать США. Существенно укрепит переговорные позиции Великобритании заключение соглашения с США о зоне свободной торговли, неформальные консультации по которому начались еще когда Соединенное Королевство было в составе ЕС.

Брекзит, скорее всего, повысит влияние Америки в международных экономических отношениях. Во-первых, за счет некоторого ослабления конкурентных позиций ЕС. Во-вторых, в географическом плане расширится роль Великобритании как экспортной платформы для

филиалов американских международных корпораций и “финансового окна” для американских банков по проведению операций с деривативами.

Заключение соглашения с Великобританией о зоне свободной торговли может усилить позиции Вашингтонской администрации в переговорах о Трансатлантическом партнерстве. С осени 2016 г. эти переговоры заморожены. Решив вернуться к обсуждению проекта соглашения, США, очевидно, намерены будут перейти к более жесткой повестке, больше учитывающей американские интересы.

Однако условия будущего соглашения неясны. Между сторонами остаются острые, труднопреодолимые противоречия по многим вопросам. Европейцы, проиграв в ВТО спор с американцами по *Airbus*, готовят встречный иск по *Boeing*. Обе стороны обвиняют друг друга в предоставлении государственных субсидий гражданскому авиастроению. США недовольны высоким уровнем тарифов на импорт в Европу автомобилей и т.д. Самый острый вопрос, своего рода “красная линия” для ЕС – сельское хозяйство. Если под угрозой введения 25%-ных тарифов на импорт европейских автомобилей ЕС уступит американскому давлению и снимет ограничения на доступ американской сельхозпродукции, в том числе генномодифицированной, то это станет сильнейшим ударом по европейским аграриям. Более того, такая уступка изменила бы сам образ жизни ряда западноевропейских стран, например, Франции.

Разногласия с США будут усиливать взаимную заинтересованность ЕС и Китая в развитии экономического сотрудничества. В ЕС уже много лет работают над соглашением о зоне свободной торговли с Китаем. Уступки Пекина американцам в области доступа на финансовый рынок и инвестиций могут быть распространены и на ЕС. Для Китая ЕС (особенно Германия) – важный источник получения передовых технологий, а Лондон – офшорный центр операций с юанем. При этом и у ЕС, и у Великобритании непростые торгово-экономические отношения с США. На расклад сил все большее влияние будут оказывать быстрый рост экономик таких государств, как Индия, Вьетнам, Индонезия, Турция, Бразилия, Аргентина и некоторых других. Привлекательность их рынков будет повышаться параллельно с неизбежным повышением их доли в мировом ВВП и международной торговле.

Особого внимания заслуживает Индия – страна с недооцененным потенциалом экономического и научно-технического развития, без излишних экспансионистских амбиций, уже вышедшая на третье место в мире по размеру ВВП по паритету покупательной способности. Со временем Индии, несмотря на внутренние проблемы, по силам выйти на уровень Китая и стать одним из локомотивов мирового роста. Этому будет способствовать наиболее демократическая среди развивающихся стран политическая система, унаследованные от англичан достаточно эффективные правовые и финансовые институты. Отсутствие языкового барьера облегчает получение индийскими гражданами образования на технических и экономических факультетах университетов в США и Великобритании. Индия имеет сбалансированные экономические отношения со всеми мировыми центрами, кроме Китая. Улучшению отношений с грозным соседом плохо помогает даже заинтересованность в получении кредитов от контролируемого Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Индия, как США и ЕС, настаивает на либерализации допуска своего бизнеса на китайский рынок. Есть противоречия по проекту “Пояс и путь”. Планируемый транспортный коридор проходит в Пакистане по части Кашмира, на которую претендует Индия. Не забыты и конфликты, связанные с китайской аннексией Тибета.

Быстроразвивающиеся экономики настаивают на большем учете своих интересов при выработке правил игры в международной торговле. Здесь перспективы не очень ясны. Фактически потерял работоспособность Орган по разрешению споров ВТО. Тупиговая ситуация складывается с реформированием всей организации. В сложившихся условиях учащаются попытки заменить некоторые правила ВТО двухсторонними или региональными соглашениями. В заключенном в январе 2020 г. промежуточном торговом соглашении между США и Китаем подробно прописан трехуровневый механизм разрешения торговых споров между его подписантами [12]. В рамках проекта “Пояс и путь” предполагается создание специального арбитража в Сингапуре.

Таким образом, глобальная торговая система, по всей видимости, вступает в долговременный период турбулентности, нарастания противоречий между всеми странами, сложного согласования национальных интересов преимущественно на двусторонней и региональной основах.

* * *

Усиление неопределенности в международной торговле и финансах создает для России как новые угрозы, так и новые возможности. Размывание четких правил игры на международных рынках осложнит для отечественных компаний планирование внешнеэкономической деятельности. Российской Федерации придется приспосабливаться к новым условиям. В то же время обострение международных торгово-политических противоречий будет повышать заинтересованность иностранцев в ведении бизнеса с Россией как на уровне компаний, так и правительств. Интересам социально-экономического и научно-технического развития РФ отвечают ориентация внешнеэкономической политики на все хозяйственные центры мира, изменение баланса целей в пользу коммерческих результатов, повышение реальной отдачи внешнеэкономических связей для народного хозяйства, в первую очередь для роста ее эффективности и конкурентоспособности. Вряд ли есть смысл тратить ресурсы на сдерживание американоцентризма в глобальной экономике, если это будет связано с существенными потерями для российских компаний и страны в целом. Уменьшение экономического влияния США в мире – процесс объективно обусловленный, хотя и не быстрый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Королев И.С., отв. ред. *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет*. Москва, Экономистъ, 2003. 604 с. [Korolev I.S., ed. *Mirovaya ekonomika: globalnii tendentsii za 100 let* [World Economy: Global Trends for 100 Years Passed]. Moscow, Economist, 2003, 604 p.]
2. Hamilton D.S., Quinlan J.P. *The Transatlantic Economy 2019: Annual Survey of Jobs, Trade and Investment between the United States and Europe*. Washington, Foreign Policy Institute, Johns Hopkins University SAIS, 2019. 171 p. Available at: https://www.uschamber.com/sites/default/files/te2019_full_study.pdf (accessed 20.02.2020).
3. Королев И.С. *Валютные отношения капитализма: экономика и политика*. Москва, Наука, 1986. 228 с. [Korolev I.S. *Valutnyi otnosheniya kapitalizma: ekonomika i politika* [Currency Relations of Capitalism: Economy and Politics]. Moscow, Nauka, 1986. 228 p.]
4. Борисов С.М. *Стерлинговая зона в валютной системе капитализма*. Москва, Госфиниздат, 1957. 139 с. [Borisov S.M. *Sterlingovaya zona v valutnoy sisteme kapitalizma* [Sterling Zone in the Currency System of Capitalism]. Moscow, Gosfinizdat, 1957. 139 p.]
5. For the World to Grow it Requires a Strong America and a Strong China. *The Worldfolio Interview*, 13.02.2020. Available at: www.theworldfolio.com/interviews/for-the-world-to-grow-it-requires-strong-america-and-strong-china/4724/ (accessed 20.02.2020).
6. *The Global Competitiveness Report 2019: How to End a Lost Decade of Productivity Growth*. World Economic Forum, 08.10.2019. Available at: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> (accessed 20.02.2020).
7. Bialik K. How The World Views the U.S. and its President in 2018 in 9 Charts. *Pew Research Center*, 09.10.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/10/09/how-the-world-views-the-u-s-and-its-president-in-9-charts> (accessed 15.10.2019).
8. Seong J., Woetzel J. Could China Turn Inwards? *Project Syndicate*, 24.12.2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/will-china-turn-inward-by-jeongmin-seong-and-jonathan-woetzel-2018-12?barrier=accesspaylog> (accessed 20.02.2020).
9. *2019 State Export Report*. US-China Business Council, 2019. Available at: <https://www.uschina.org/reports/2019-state-export-report> (accessed 20.02.2020).
10. *Foreign Direct Investment to Africa Defies Global Slump, Rises 11%*. UNCTAD, 12 June 2019. Available at: <https://unctad.org/en/pages/PressRelease.aspx?OriginalVersionID=516> (accessed 20.02.2020).
11. Castro D., McLaughlin M., Chivot E. Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? *Center for Data Innovation*, 19.08.2019. Available at: <https://www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (accessed 20.02.2020).
12. *Economic and Trade Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China. Chap. 7. Bilateral Evaluation and Dispute Resolution*. The Office of the U.S. Trade Representative, 15.01.2020. Available at: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china/phase-one-trade-agreement/text> (accessed 20.02.2020).

**AMERICANOCENTRISM AND MULTIPOLARITY IN THE GLOBAL ECONOMY
(TRADE POLICY AND FINANCIAL ASPECTS)****(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 12-22)****Received 12.03.2020.**

Ivan S. KOROLEV (korolev@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9007-692X,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

More global multipolarity has not diminished up to now the US influence in the world economy. On the contrary American possibilities for maneuvering have increased. For example this can be observed in the case of the trade negotiations and exterritorial sanctions policy. Turbulences in international trade during last years are partially the result of objective factors such as increasing global competition, the appearance of new important actors at world markets, malfunctions of multilateral trade system. But the situation was seriously aggravated by the US disturbing unilateral actions in economic relations with main trade partners including Canada, Mexico, China and the European Union. The reasons for these actions were both economic and geopolitical. Especially it is seen in the case of US-China trade dispute in which the main goal for the US seems to be hampering China's economic development. The US foreign economic policy may have long-term negative effects in particular increasing probability of substitution the WTO rules by bilateral and regional agreements. This would be equal to a sort of the global market fragmentation.

Strengthening global multilateral trade system fully responds to the interests of Russia. As well as more commercial motivation of Russia's economic relations with all countries including Eurasian Economic Union. There is no sense in confronting the US on economic issues at the expense of losses for Russian companies and for the economy on the whole. Even without our interference Americanocentrism in the global economy will inevitably be decreasing.

Keywords: *global economy, interdependence, international competitiveness, sanctions, role of the US dollar, G-2, Brexit, multilateral trade system, forecasting studies.*

About author:

Ivan S. KOROLEV, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doct. Sci. (Econ.),
Professor, Principal Researcher, Center of Forecasting Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-12-22